

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

От редколлегии

Виктор Павлович Римский, доктор философских наук, профессор, члена Союза писателей России, заведующий кафедрой философии и истории науки БГИИК, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (родился 28.05.1955 г.) отметил свой юбилей. Он стоял у истоков создания серии «Философия. Социология. Право» нашего научного журнала «Научные ведомости БелГУ» (редактор серии, автор идеи проекта, названия и основных рубрик).

Редакционная коллегия журнала поздравляет Виктора Павловича с днём рождения, желает здоровья и творческих успехов. В этом номере мы публикуем эссе В.П. Римского, отражающее его философскую профессию и литературное призвание.

ЭССЕ О СВОБОДНОЙ ФИЛОСОФИИ¹

ESSAY FREE PHILOSOPHY

В.П. Римский
V.P. Rimskiy

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
The Belgorod state institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. В своём эссе автор подводит определённые итоги собственного понимания специфики философии и экзистенциальных проблем философа, человека, разрывающегося между свободой мышления и профессионализацией, между дискурсивным академизмом и свободным литературным творчеством. Эссе служит своеобразным резюме монографий и статей, опубликованных автором за последние десять лет, в том числе и в журнале «Научные ведомости БелГУ».

Resume. In his essay, the author sums up his own understanding of philosophy and existential problems of the philosopher, a man torn between freedom of thought and professionalization, between academic discourse and free creative writing. The essay serves as a kind of summary of monographs and articles published by the author over the last ten years, including in the journal «Scientific Bulletin of BSU».

Key words: history of philosophy, diatribe, philosophical tradition, institutional philosophy, freedom.

Ключевые слова: история философии, диатриба, философская традиция, институциональная философия, свобода.

Если философия – всегда мышление в просвете бытия, то где и когда проступает истина? Что нам приоткрывает истина в просвете бытия? Ведь там, где полоска света, там и полоса тьмы. И что это за «просвет»: закат или рассвет? И почему Сова Минервы вылетает в сумерках? Когда солнце зашло и начинает властвовать тьма? Наверное, поэтому философия нико-

¹ Работа выполнена в рамках гранта №14-13-31010 на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям социально-экономического развития Белгородской области «Воспроизводство творческой интеллигенции как фактор развития культурного капитала региона», № 2014.06.20 и в рамках гранта БГИИК по развитию перспективного научного направления «Сетевые парадигмы в исследовании культуры: концептуализация нового направления в культурологии».

гда не бывает неким ожидаемым рассветом, а всегда не просто поиск впотьмах, в зазоре истины и бытия, но и жизнь на грани смерти, на рубеже тьмы и света, свободы и нормативности. Философия – всегда в ситуации выбора между свободой и принуждением. Философия всегда ищет «освобождения»? Но кто даст освобождение? Кто кого освобождает? Никто не даст нам избавленья / Ни Бог, ни царь и не герой / Добьёмся мы освобожденья / Своею собственной рукой...

Интеллектуальная история философии, «история идей» (М.К. Петров) предполагает, что философ (по Г.Г. Шпету «философия всегда персонифицирована») начинает с *ученичества*, с «диатрибы», как писал мой учитель А.В. Потёмкин. Если философ не шизофреник, он начинает не с чистого листа, а с освоения предшествующих этапов понятийно-категориального развития философии, с круга проблем и способов их решения предшественниками. Эксплицируя «логику и историю идей», надо вычленять учителей – *ближних*, т.е. непосредственных; и дальних – собственных «великих предшественников», *философскую традицию*, на которую ориентируется философ-профессионал.

Период собственного самоопределения, когда философ сам становится «учителем», «школьным» или «академическим философом», может тянуться бесконечно, и философ часто застревает в этой роли (Г.Г. Шпет очень хорошо это показал применительно к истории русской философии, которая почти два века стремилась выйти из «ученичества»). Здесь нет ничего плохого – философ становится *профессионалом* (опять же Г.Г. Шпет первый показал, что русской философии и не хватало профессионализма, академичности, к чему он сам и стремился). Первое условие становления философа-профессионала – попытаться дать *собственное, личное понимание философии*. Именно хорошие профессионалы создают и развивают кафедры, где, как в инкубаторах, выводятся новые профессионалы, воспроизводится школа как «диатриба». Здесь входят в философскую «школу» и развивают «философские школы». С осмысления и «уразумения» специфики философии и начинается философское мышление, школьно-академическое или ответственное, самостное и свободное.

Проблема специфики философии за идеологическими и корпоративными шорами до сих пор не получила адекватного/нормального/нормативного/репрезентативного не то что решения, но и отражения, постановки. Само перечисление слов (по преимуществу иностранных) с наскака сразу же обрывает все эти возможности (адекватность, норма и пр.), порождая кучу вопросов: что такое «адекватный»? Что такое нормальная философия? Или нормативная? Или репрезентативная? Что есть нормативная/нормальная/репрезентативная и адекватная философия? Кто есть нормативный, нормальный, репрезентативный и адекватный философ? Во все времена и сегодня...

И как бы мы ни пытались приступить к разбору вопросов, нам без схематизаций не обойтись, сразу же понимая, что философия и есть то мышление/творчество/производство идей/сфера деятельности/жизнь/судьба, которые ну никак не укладываются в схемы.

И, тем не менее, именно философия, даже больше, чем другие формы духовной/культурной/мыслительной активности человека, порождает любые схемы и стереотипы, в том числе языковые и понятийные, относительно себя и своей собственной «специфики», теоретической и институциональной.

Ленин писал о двух «линиях» в философии: линии Демокрита и линии Платона; материализм/реализм – идеализм/спиритуализм. Это как бы в решении основного вопроса философии о «соотношении мышления и бытия»; «мышления и сознания», «слов и вещей» (Фуко).

М.К. Петров и А.В. Потёмкин – каждый по своему и каждый по своему за это заплатил – показали, что сама постановка вопросов в таком понятийном и предметном разрезе стала возможна только в эпоху модерна, культурного проекта, только и жившего, что порождением дихотомий/антиномий/парадоксов и гибридов/трикстеров/нечеловеков («гибриды» – слово петровское, «нечеловеки» – латуровское), преодолевающих парадоксы, диалектически «снимающих». Часто снимавших не на гегелевский манер в «синтезе», а простым человеческим приёмом, как человек снимает рубашку или свитер. Он их просто выворачивает наизнанку: то, да не то... Шиворот-навыворот, задом – наперёд, шиворот-навыворот – поедем в огород...

В эпохи, прошедшие до модерна и предшествовавшие «новому времени», ни человек, ни философия не знали какого-то «сознания», отдельного от «бытия» и «слов», не связанных с «вещами». Вещи просто могли быть нам непонятными. Нам, привыкшим жить в «реальном мире» потребляемых или «подручных вещей» (по Хайдеггеру). В мире христианского Бога, как и языческого анимистического духа, нельзя было не то что «потребить» и поймать под рукой (пойать, понять) мир, вещь или самого Бога: они/Он были всегда в мире и порой даже

рядом, но миръ был той рес/публикой (общей вещью), которая не живёт отдельно от человека, куда надо сподобиться «дойти» и всем вместе, и своим умом.

Хайдеггер, также понимая это, говорил об «основном вопросе философии» как о «смысле бытия»; об «истине и бытии» (это он вспоминал Парменида); о вопрошании бытия об истине; истины о бытии; бытии в истине; просто о «мышлении»... О мышлении, которое надо звать и называть: и действительно, что зовётся мышлением? И что зовёт мышление? Или кого... Как уж он хотел уйти от человека, лишь вскользь о нём упоминая или заменяя внушительным *Dasein*: бытие; «вот-бытие», «здесь-бытие»; существование; быть налицо; присутствовать; присутствовать при сути (при возможности присунуть и всунуть свой смысл); присутствие; при/бытие; прибытие (говорят: всё, прибыли, конечная остановка «Северный писец», или: во, мне прибыло, привалило, в том числе и дерьма); житьё и житие – переводы и интерпретации, как и понимание хайдеггеровского словотворчества можно множить долго, русский язык не менее многосмысленен, многозначен и коннотативен (во!), чем немецкий, а уж как гибок... Как губка... Хайдеггер, убегая от догматизма теологического образования и скуки католичества в «свободу философии» (это он так думал по молодости), просто перерядил в Бога в *Dasein*, а потом не просто в *Sein*, а в архаическое *Sayn*. Это как бы большое Бытие, Вечное. Под влиянием Майстера Экхарта, который вошёл в обиход и моду начала XX века, он профанизировал вечность Бога, превратив её в вечность бытия, схваченного в озарении мысли. Этакий профанный «мистический экзистенциализм» (не было никакого «атетистического экзистенциализма», как писали в советских учебниках!), профанный «мистический онтологизм», а потом просто «профанный мистицизм» одинокого философа. Много чего задумчиво можно прочитать у этого мистического мыслителя...

Не Бог, не царь и не герой зывали к бытию и мышлению, а философы. И мыслили они, живые люди во плоти, пришли в мир Греции, назвав себя так. И зывали, и мыслили все они по-разному, различно, каждый на своё лицо, на свой лад. До сих пор.

Но было что-то, что до сих пор заставляет их узнавать друг друга и объединяться в какие-то сообщества, переключаться и ругаться. И без схем и «норм» всё равно не обойтись.

И есть другие принципы их различия. Например, институциональная/школьная/университетская (академическая) философия – и маргинальная/окраинная/особливая/одинокая. Хотел ко второй «линии» применить «свободная», но свободу они все искали, «взыскивали свободы», архаизируя русский язык. Хайдеггер сказал бы: стремились «быть свободными» или просто «быть».

В сфере идей и, соответственно, текстов, мы, так или иначе, выходим через *экзистенциальный* на *институциональный* аспект существования философии/философов (школа, традиция, собственное творчество, продуктивное и репродуктивное).

Здесь можно порой и иногда, часто даже случайно, попав в майнстрим, стать «великим», создав, например, если не собственную «систему», законченную или открытую, то хотя бы один текст, повернувший мысль на другую извилистую тропку бытия и мышления.

Но как выводятся ценные породы великих мыслителей? Можно кропотливо работать, вычлняя *свой круг проблем*, и давать *собственные ответы* на проблемы предшественников и свои, выстраданные (например, путь Гегеля или Гуссерля). Можно повернуть так идеи учителя, создав собственный дискурс, свой концептуальный язык и собственную жизненную и творческую мифологию, что все увидят новые, почти недостижимые горизонты философского мышления (путь Хайдеггера). Можно так развивать предшественников, учителей и современников, тайно проникающих в тексты великих (как Ницше, Хайдеггер и семиотика в тексты Фуко), что ни у кого не возникнет сомнение, что перед нами – то новое, что приоткрывает (истина всегда или сокрыта, или немного приоткрыта) хорошо запечатанное старое...

Здесь, в исследовании «великих философов» и уместно обращаться к текстам самих философов и их предшественников, прежде всего, ближних. Но само чтение текстов будет всегда зывать к контекстам, т.к. уже чтение текстов предшественников – традиция и учителя – это и есть культурно-диалогический и коммуникативный контексты (дискурсы) тестов философов. То есть, текстология выводит нас на «контекстологию», которая всегда, так или иначе, есть «история и логика жизни людей» – «философия людей».

Экзистенциальная история философии предполагает реконструкцию и описание жизненного пути учёного или мыслителя, что связано с использованием биографических методов, которые не проходят мимо специфических текстов – биографий (прежде всего, написанных современниками), автобиографий, воспоминаний современников, переписки с близкими

и любимыми людьми, с коллегами и оппонентами. И здесь без текстологии (её филологические и герменевтические методов) не обойтись.

Как мы видим, «философия людей» всегда преломлялась: а) через круг «ближайшего общения», составляющий коммуникативный контекст (его интересно называет «разговором» Т.Г. Щедрина); б) предполагает «кабинетную жизнь» (книжно-библиотечную), которая становится для профессионала, по мысли Б. Латура, «лабораторией», в которой философ (учёный-гуманитарий или социолог) работает с текстами традиции и с собственными текстами, как естественник с приборами и микробами, описывая собственные результаты, что и является «духовным производством» – здесь уместна и работа над логикой опубликованных работ, и в архивах над рукописями, дневниками, реконструкция как жизни, так и идей, герменевтические интерпретации этих текстов, т.е. контекстология невольно переходит в текстологию (и филологию). Итак, «логика идей» и «творчество людей» оказываются взаимно обратимыми.

Правда, в конкретной практике мы всегда, как и наши великие предшественники, ограничены кругом жизненных, порой просто бытовых проблем, которые останавливают нашу работу на каких-то сиюминутных аспектах предмета. Эти ограничения – они иногда становятся стимулами активности и результативности в узкой области! – так или иначе связаны с институциональными факторами как «философии идей, так и «философии людей». Потому возникает и необходимость включения институционального контекста (исследуем мы идеи, тексты и жизнь простого профессионала, или «великого учёного»).

Очевидно, что уже с Фалеса философия развивается в двух институциональных формах – а) школы и б) свободного, персонального и творческого мышления (Гераклит). Последнее не отрицает, а предполагает первое (школу хотя бы в виде традиции – пусть и культурно-диалогическая, идеальная, но школа!): «паломничество в страну Востока» Гераклита, Пифагора, Платона...

Фалес основал школу мышления. Дело это было скорее всего добровольное и чудаческое, но он же первым попытался доказать практичность и независимость философа, провернув одну из первых в истории бизнеса биржевых сделок: получил инсайдерскую информацию от бытия, скупил для перепродажи то ли маслины, то ли пшеницу, заработал немного денег, раздав большую часть беднякам. И школа была.

С пифагорейцами вроде бы ясно – школа, да ещё почти религиозная община, тайная, эзотерическая не только в плане передачи учения мифологизированного Пифагора, но и в плане криптократии: демократия в Элладе – пифагорейский продукт. Как так? Община, где свобода мышления была ограничена авторитетом основателя, учителя, вдруг становится учредителем демократии и «политической свободы»? Да, это так, если не приписывать греческую демократию по ведомству современного либерализма, то и в монархии, и в тирании, и в демократии, главной была не «свобода» (даже слова то такого не было!), а закон, нус, учреждающий ограничение произвола и насилия, человека или групп людей. Правда, часто этот же нус учреждал и насилие... Так что и здесь «школьная философия» скорее была связана с законом (необходимостью), чем со свободой. И это первая «сетевая», но эзотерическая и криптократическая философская корпорация (масоны древности).

Может Гераклит свободен? Гераклит отказался от престола, получил свой политический капитал деньгами, путешествовал на Восток (тогда оно, паломничество в страну Востока, и началось), а потом одиноко мыслил у домашнего очага наедине со своими богами. И если Гераклит и учил, то на своём особом «философском языке», который создал в свободном творчестве и свободном вопрошании, потому и прозвали его «тёмным». Но так ли уж он был вне «школы» и «корпорации», если начал создавать «философский язык», первые «философские концепты» и «философский стиль»? Или это было начало второй линии в философии – философия маргинальная/окраинная/особливая/одинокая, со своим стилем и языком. Был ли свободен Гераклит? Свободная ли это философия?

Ведь язык его приняли, начали с ним спорить современники элеаты? Была ли «элейская школа» в прямом смысле, когда есть «учитель» и «ученики»?

Была ли это свобода и у первых платных учителей, если некоторые из них, как Анаксагор, человек не из бедных в Малой Азии, получали бенефиции от демократического полутирана Перикла?

Школа Демокрита также была делом добровольным, а сам он имел доход, скорее всего, от врачебной и гадательной практики (наследственной). Потому ученики Демокрита, софисты, уже отбросили условности и учили истине за деньги. Но и были свободны в передвижении, в выборе тем, могли говорить обо всём и учить всему – полиматия, энциклопедизм, по-

знавай вволю всё! И всё же корпорация – рядом с пифагорейцами «сетевая», открытая философская корпорация (этакие либералы античности).

Ну, скажем, Сократ, спорящий с философами и клеймящий позором демократов, тиранов и прочих гонителей свободы, так уж точно не просто живое и нормативное воплощение маргинальной/окраинной/особливой/одинокой, но и *свободной философии*. Символ на века, даже христиане его признали праведником. И чуть ли с Христом сравнивали (мученическая смерть за идею). Но наш Сократ мог себе позволить такую роскошь, как вопрошание и чудачество на агоре или в народном собрании, по причине того, что имел, скорее всего, как представитель афинского «среднего класса», надел земли, сдаваемый в аренду, да похоронный бизнес с рабами в мастерской, унаследованный от отца (люди мрут всегда – и государственные или меценатские бенефиции не нужны).

Однако, в первой, школьной институциональной среде свободным инновационным мышлением (революционные инновации) обладают, как правило, основатели школ, а ученики и «продолжатели» догматизируют его инновации, в лучшем случае – репродуцируют и технологизируют (технологические инновации). Обратное наблюдается чаще, когда «свободные мыслители» дают начало школам: Сократ «породил» Платона. То, что из школы Платона вырос Аристотель, который долго был в её тени до времён династии Птолемея, бывшего аристотелевского ученика времён общей юности с императором Александром, скорее составляет исключение.

Платон и Аристотель, с которых философия свихнулась (свернула и стала сумасшедшей – так мы называем «свихнутых»), по мысли Хайдеггера, и сошла со столбовой дороги бытия и его вопрошания в истине, вообще однозначно стоят у истоков философии институциональной/школьной/университетской/академической.

Платон, пифагореец по посвящению и сократик по образованию, практиковал и домашние виды философствования (домашним учителем, кажется, пробовал быть и Гегель), как и Аристотель. Правда, учительство у тиранов (Дионисий Сиракузский и сын, равно Филипп Македонский и сын – одного поля ягоды) не дало особой свободы (потому Платон и писал своё главный диалог «Политейя» чуть ли не всю жизнь, что искал везде эту лучшую политейю). И всё главное оба написали в «школах» (часть, наверное, за них писали, записывали и переписывали ученики). И школы содержали полисы – на меценатские пожертвования и муниципальные налоги.

Аналогичной судьба была у эпикурейцев и стоиков. Последние даже великими сенаторами и императорами были, как Сенека и Марк Аврелий. Здесь тема философской свободы как тема «философия и власть» – власть денег, знания, капитала символического, политического и экономического – приобретает тот поворот, что потом всплывёт в «наше», новое время.

С христианской философией, учреждающей теологический закон и дискурс, кажется тоже всё ясно. Доминирует религиозная философия институциональная/школьная/университетская. Даже такие вольнодумцы и маргиналы, как Пьер Абеляр или Майстер Экхарт, были внутри корпорации. Не могли из неё выйти, согласны были на смерть, отлучение или осуждение, но по благословению и от рук/умов собратьев по корпорации.

Школа очень рано даёт возможность относительной экономической независимости существования профессионала, но никогда не приводит к устойчивому благополучию. Этот институционально-экономический фактор привносит в философию темы свободы, школы как досуга или асхолии, отсутствия такового.

Ну, вот пришла, казалось бы, «заря» нового времени. Свободомыслие просветителей... Их свободная литературная судьба... Так ли? Так ли свободомыслие? Свободомыслие у Руссо, если он даже религиозную веру менял несколько раз (с протестантизма на католичество и обратно), а то и вовсе отбрасывал в сомнениях? Дидро зарабатывал хлеб подённым литературным трудом, а его главный свободный труд, литературный и философский, вышел только после смерти («Племянник Рамо»). Вроде бы школ особых не было, почти все – особливые и одинокие маргиналы. А сколько грызни и междоусобицы, самомнения и обид... И это свобода и творчество? А уж тема «философия и власть» именно у них, с их иллюзиями «просвещённой монархии» или «свободной республики» (хорошо, что не дожили великие просветители до революции) получилась таки классической. Первые европейские интеллектуалы... Или интеллигенты?

Велик Гёте, который отринул всю школьную философию и свободно творил всю жизнь, создав великую немецкую литературу, современный немецкий язык и неклассическую философию, философию жизни. Но что было бы с ним без «государственной поддержки»? Что уж

говорить о Канте, Фихте, Гегеле и т.д., избравших открыто хлеб школьной, университетской философии (Гегель в прямом смысле торговался с университетским начальством за лишний мешок зерна!) и, собственно, создавшие её нормативные, «классические» версии, не преодоленные до сих пор никем.

А Ницше, спросите вы? Что Ницше? Да, болезнь и воля к жизни освободила его от догматики университетской философии, в том числе стилистической, языковой и концептной. Но кем бы он был, великий критик профессорской философии и университетов, без профессорской пенсии богатого базельского университета? Такая же судьба была и у Хайдеггера: ведь всё великое он создал не только в университете, но и на университетскую пенсию, когда был подвергнут антифашистскому ostracismu.

Так вот он, как и Ницше, а после него все другие (Делёз, Деррида, Фуко и т.д.), отрекаясь от гегелевской философии и сублимируя её, то как своё «бессознательное», то как альтер-Эго, пытаясь быть свободными литераторами и маргиналами, вопрошая о бытии и истине, занимаясь профанными мистическими и аскетическими «практиками себя», оставались плоть от плоти нормативной/нормальной/репрезентативной/адекватной школьно-университетской философии.

Что уж говорить о нас, русских, советских и постсоветских...

А возможна ли вообще философия, тем более свободная?